

Манипуляторы

роман

Айтан Фарид

Айтан Фарид

Манипуляторы

<https://litres.ru/74198414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет с человеком, который начал задавать неудобные вопросы? И почему за это его возненавидит полстраны?

Следователь Ильяс Баталов расследует смерть богатого мецената. Чем дальше он копает, тем меньше верит в то, что видит.

А рядом живёт Амир. Он долго во что-то верил — а потом эта вера рухнула. И оказалось, что жить без неё страшнее, чем он думал. Он ни с кем не воюет. Он просто больше не может молчать. И за одну ночь становится самым обсуждаемым и самым ненавидимым человеком вокруг.

Один ищет убийцу. Другой ищет способ дышать дальше. Они ещё не знают, что идут навстречу друг другу — и что правда, которую один раскопает, а другой выкрикнет, кому-то очень мешает.

«Манипуляторы» — умный, злой, смешной и неожиданно нежный роман о том, как тяжело остаться одному, когда рухнул купол. О цене честности с самим собой — и о том, что настоящая жизнь, возможно, только там и начинается.

Содержание

Глава	4
Всевидающий	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Айтан Фарид

Манипуляторы

Глава

Ермек

Аға

Дождь в Алматы шёл так, будто город наконец подключили к небесной системе пожаротушения. Только гасить было нечего — гореть в этом городе давно перестали, здесь предпочитали тлеть.

Он бил по крышам бизнес-центров и рекламным баннерам, где улыбающиеся лица обещали ипотеку, молодость, халляльные инвестиции и курсы личностного роста — весь ассортимент способов почувствовать себя живым, не приходя в сознание. Стекал по стёклам ресторанов, где мужчины в дорогих пиджаках обсуждали духовность между стейком и вторым бокалом, искренне не видя в этом никакого противоречия. Хлестал по асфальту, капотам, пустым остановкам, по лицам прохожих, которые ещё надеялись добежать до укрытия и сохранить человеческий вид.

Город мок.

Но не очищался.

Следователь Ильяс Баталов стоял под козырьком «Nur Residence» и смотрел на тело мужчины у бордюра возле чёрного Mercedes. Мужчина был богат даже мёртвым. Это чувствовалось по обуви.

Баталов давно заметил: после смерти люди быстро становятся одинаковыми. Исчезают должности, статусы, подписчики, любовницы, кредиты и религиозные убеждения. Но хорошие туфли сопротивляются равенству дольше лица.

— **Кто?** — спросил Ильяс, не подходя ближе.

Молодой оперативник Нуржан Сейдахметов сверился с телефоном, хотя имя уже знал.

— **Ермек Сагдиев. Пятьдесят два. Строительство, логистика, благотворительные фонды, медиа. Ещё образовательный проект при мечети.**

— **Конечно.**

— **Что конечно?**

— У нас теперь каждый второй занимается просвещением? Это как химчистка для биографии.

Нуржан не улыбнулся. Он ещё был в том возрасте, когда шутки старших казались либо мудростью, либо нарушением инструкции. Определиться мешала зарплата.

Дождь усилился. Криминалисты работали молча. Один фотографировал машину. Второй складывал в пакет предметы с земли. Третий стоял с таким лицом, будто хотел спросить у Вселенной, можно ли ему было сегодня просто остаться дома.

На асфальте рядом с телом лежал телефон.

Чёрный. Дорогой. Целый.

Странно целый.

Ильяс присел, не касаясь.

— Телефон не забрали?

— Нет.

— Кошелёк?

— На месте.

— Часы?

— На руке.

— Значит, не ограбление.

— Может, спугнули.

Ильяс посмотрел на Нуржана.

— Нуржан. Если убийца под дождём успел сделать главное, но не взял телефон, кошелёк и часы — он либо идиот, либо очень умный человек, который хочет, чтобы мы подумали, что он идиот.

— А если просто спешил?

— Все убийцы спешат. Даже те, кто тщательно планирует. Смерть плохо сочетается с тайм-менеджментом.

Нуржан записал что-то в блокнот. Возможно, фразу. Возможно, диагноз начальнику.

За лентой собрались жильцы. Стояли под зонтиками и навесами — как зрители на премьере плохого спектакля, куда купили билеты не они, а судьба. В окнах верхних этажей горел свет. Там смотрели вниз.

Город всегда смотрит из окон. Смотрит и делает вид, что

не имеет отношения к происходящему.

У подъезда плакала женщина в бежевом пальто. Аккуратно, почти аристократично — чтобы тушь не испортила лицо окончательно. Рядом стоял мужчина в спортивном костюме и говорил в телефон:

— Нет, пока ничего не ясно. Да, Ермек ага. Прямо возле дома. Не пишите пока. Удалите пост. Я сказал — удалите.

— Кто это? — спросил Ильяс.

— Помощник Сагдиева. Медийщик. Говорит, покойный был уважаемым человеком.

— Мёртвые всегда быстро становятся уважаемыми. Особенно если у живых от них зависели деньги.

Нуржан снова не улыбнулся.

Ильяс подошёл к машине. Mercedes стоял у бордюра с включёнными аварийками. На заднем сиденье — букет белых роз, промокший через приоткрытую дверь. Лепестки слиплись и теперь напоминали не цветы, а мокрые салфетки после официального мероприятия.

— **Жена?** — спросил Ильяс.

— **Первая или вторая?** — машинально ответил Нуржан и тут же замолчал.

Ильяс повернул голову.

— **Уже интересно.**

— **По базе одна жена. Но помощник сказал, был «личный вопрос». Я ещё не уточнял.**

— **У богатых людей личный вопрос обычно имеет отдельную квартиру.**

Он наклонился к водительскому месту. На панели мигал навигатор. Последний маршрут — от ресторана «Жибек Жолы» до этого комплекса.

Ильяс запомнил название. Слишком много важных людей любили рестораны с национальным колоритом. Там удобно говорить о морали под казы, о народе под коньяк и о духовности под счёт, который оплачивал кто-то третий.

— **Камеры?**

— На въезде есть. У подъезда есть. Но охрана говорит — за десять минут до случившегося система зависла.

Ильяс медленно посмотрел на стеклянную будку охраны.

— Зависла?

— Да.

— Как совесть на госслужбе.

Нуржан наконец коротко усмехнулся, но сразу сделал вид, что кашлянул.

Ильяс направился к охраннику. Крупный мужчина лет сорока, форма пыталась выглядеть официальной, но всё равно напоминала костюм из дешёвого сериала про безопасность.

— Почему камеры не работали?

— Сбой, ага.

— Какой сбой?

— Технический.

— Технический — это когда чайник не включается.

Когда камеры элитного комплекса отключаются ровно перед убийством жильца — это уже жанр.

Охранник сглотнул.

— Я не знаю. Система сама.

Ильяс вышел под дождь.

Телефон покойного лежал экраном вверх. Капли били по чёрному стеклу. Экран вдруг загорелся.

Входящее сообщение.

Нуржан наклонился.

— От кого?

Ильяс прочитал первые слова.

«Вы не должны были встречаться с Амиром».

Больше текст не показывался.

Несколько секунд — молчание. Дождь шумел так, будто город аплодировал плохой новости.

— Кто такой Амир? — спросил Нуржан.

Ильяс не ответил.

Смотрел на экран и чувствовал, как обычное убийство медленно перестаёт быть обычным.

В деле появился первый живой человек. Не жертва. Не убийца.

Имя.

А имя — это всегда начало лабиринта.

Он достал перчатки.

— Упакуйте телефон отдельно. Пробейте все последние звонки, сообщения, встречи. Особенно этого Амира.

— Думаете, он убийца?

Ильяс посмотрел на тело Сагдиева, на мокрые розы в машине, на окна с невидимыми глазами, на охранника в будке, на помощника, который пытался удалить правду из интерне-

та быстрее, чем криминалисты успевали собирать улики.

— Нет. Думаю, он причина, по которой кто-то начал бояться.

— Бояться чего?

Ильяс поднял воротник пальто.

— Обычно люди боятся не правды.

Пауза.

— Они боятся, что правда окажется доказуемой.

Нуржан записал и это.

Дождь смывал кровь, пыль, следы шин, запах дорогого парфюма и иллюзию, что жизнь управляется справедливостью.

Но телефон молчал. И именно это молчание было самым громким звуком той ночи.

Впечатленцы Амира

Когда Ермек Сагдиев умер, Амир об этом ещё не знал.

Он сидел на девятом этаже и рассматривал «Луг с цветами» Моне. Уже минут десять. Может, пятнадцать. Увеличил двумя пальцами. Ещё. Ещё. Теперь видел только мазки — голубые, зелёные, оранжево-розовые пятна без связи и смысла.

С близкого расстояния — хаос. Отдали — живой пейзаж. Вот в чём штука с импрессионизмом: Моне не рисовал что, он рисовал ощущение. Трава — быстрые мазки. Детали — размыты. Всё внимание на запахе свежего воздуха и движение ветра, которые вы никогда не увидите, но почему-то чувствуете.

Амир сохранил картинку в папку «Впечатления» и перешёл дальше. Хассам. Писсарро. Сислей. Не потому что собирался стать искусствоведом. Просто картины успокаивали — как белый шум, только красивее.

Иногда он воображал телевикторину. Ведущий задаёт вопрос. На экране — картина. Зал молчит. И тут он, спокойно:

— Это Писсарро.

Зал ахает. Почему-то именно эта фантазия возвращалась всё чаще. В ней не было ни денег, ни власти. Просто момент, когда кто-то понимает: ты знаешь то, что другие не знают.

Амир убрал телефон и сразу почувствовал знакомую неловкость.

В сорок лет уже понимаешь: большинство людей не думают о тебе вообще. Но мозг не читал эту инструкцию. Где-то в нём по-прежнему существовал огромный зал наблюдателей, которые ждали его ошибки или успеха. Что, по сути, одно и то же — если зрители есть, они в любом случае получают зрелище.

За окном шёл дождь. Во дворе горели фонари. На мокром асфальте отражались окна соседних домов.

Окна. Он не любил окна с детства. Некоторые детские мысли живут дольше людей — это одна из них. Ощущение аквариума: ты внутри, мир снаружи смотрит, оценивает, выносит вердикт. Ничего не говорит, просто наблюдает.

Телефон завибрировал. Сообщение от подписчика:

«Ассаляму алейкум. Почему вы большие не говорите как раньше? Раньше вы говорили мягче.»

Амир усмехнулся. Самое интересное — слово «раньше». Люди всегда любят прошлую версию человека. Особенно ту,

которая с ними соглашалась.

Он открыл чат. Напечатал:

«Потому что раньше я был уверен.»

Подумал. Стёр. Написал:

«Потому что раньше я меньше знал.»

Снова стёр.

Не ответил ничего. Один из немногих навыков, которые приходят с возрастом: не каждый вопрос заслуживает ответа. Особенно те, что замаскированы под вопросы, но по сути — претензии.

Телефон завибрировал снова. Незнакомый номер.

— Да?

Несколько секунд — только шум. Потом мужской голос:

— Вы Амир?

— Иногда.

— Что это значит?

— Это значит, что сегодня да.

Пауза. Люди редко были готовы к ответам, которые не помещались в инструкции.

— Меня зовут Дастан. Я помощник Ермека Сагдиева.

Амир сел ровнее.

— Слушаю.

— Вы вчера встречались с Ермек ага?

— Да.

— Он просил что-нибудь записывать?

— Да.

— Запись у вас?

— Конечно.

Пауза.

— Никому не отправляли?

— Нет.

— Хорошо.

Голос замолчал. Слишком надолго.

— Что случилось?

Тишина. Потом:

— Ермек ага сегодня убили.

За окном продолжал идти дождь.

Амир поймал себя на странной мысли: он не удивился. Совсем. Не потому что ожидал убийства — просто последние годы он жил с постоянным ощущением, что плохие новости уже стоят где-то рядом. Как курьеры. Просто ещё не поднялись на нужный этаж.

— Когда?

— Около часа назад.

— Что говорят?

— Пока ничего.

Дастан понизил голос.

— Но есть проблема.

— Какая?

— Во время разговора были вещи, которые вообще не должны были быть сказаны.

Знакомое движение внутри. Та самая смесь любопытства и тревоги — из-за которой люди лезут в горы, начинают расследования, женятся, открывают бизнес и совершают ещё множество плохо продуманных поступков.

— Например?

Пауза.

— Вы помните, с чего он начал разговор?

— Конечно.

— Что он сказал?

Амир помолчал. Он помнил очень хорошо. Странные разговоры обычно забываются быстро. Важные — никогда.

Связь оборвалась.

Амир ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом посмотрел на тёмный экран.

Где-то в городе лежал мёртвый бизнесмен. Где-то уже работали следователи. А где-то, возможно, кто-то очень хотел, чтобы прошлый вечер никогда не существовал.

Амир подошёл к окну. Внизу по мокрой улице шли люди — спешили домой, смеялись, несли пакеты. Жили обычные жизни.

И вдруг захотелось оказаться одним из них. Хотя бы на день. Просто человеком — без исследований, без вопросов, без необходимости всё понимать.

Но это желание всегда приходило слишком поздно.

Обычно тогда, когда дверь очередного лабиринта уже открыта.

Всевидающий

Каждый раз, когда ты пытаешься понравиться, чтобы тебя приняли, ты теряешь немного себя.

Страх редко приходит в форме монстра.

Обычно — в форме объяснения.

Летом 1995 года Амиру было десять. В этом возрасте ещё не знаешь, что почти все взрослые импровизируют. Они выглядят уверенными, говорят уверенно, поучают уверенно — но в происходящем разбираются не лучше детей. Разница одна: дети задают вопросы честно. Взрослые научились прятать растерянность за готовыми ответами.

В тот день была баня. Настоящая — с тяжёлым влажным воздухом, шипением воды на камнях, запахом разопревшего дерева. Мужчины обсуждали страну так, будто лично выдавали лицензии на историю.

После парилки Амир стоял возле зеркала. Щёки горели. Грудь была красной. Он заметил пятна — несколько неровных красных пятен. Провёл пальцем. Не болело. Не чеса-

лось. Просто выглядело странно.

— Пап, смотри.

Отец бросил взгляд.

— От жара.

И вернулся к разговору. История должна была закончиться здесь.

Но рядом оказался родственник. Один из тех людей, у которых всегда есть объяснение. Именно такие потом становятся экспертами в интернете. Он внимательно посмотрел на грудь мальчика. Нахмурился.

— Это наказание.

Амир замер.

— За что?

— Сам знаешь за что. От Аллаха ничего не скрыть. За каждый грех будет ответ.

«Сам знаешь» — удобная конструкция. Позволяет обви-

нять без обвинения. Не нужно ничего доказывать — достаточно намекнуть, и человек сам достроит остальное.

По дороге домой Амир молчал. Отец говорил о чём-то другом. Машины проезжали мимо. А внутри мальчика уже началось расследование.

Если наказание — то за что? Он перебирал последние дни. Может, соврал. Может, обидел кого-то. Смеялся там, где нельзя. Хотел того, чего нельзя хотеть. Детское сознание устроено жестоко: дай ему обвинение без доказательств — и оно найдёт доказательства само.

Ночью он не мог уснуть.

Лежал и смотрел в темноту. Красные пятна не выходили из головы. Слова родственника крутились по кругу:

«Аллах всё видит».

«От Аллаха ничего нельзя скрыть».

«За каждый грех будет ответ».

До этого дня эти слова существовали где-то отдельно — как правила дорожного движения в голове ребёнка, который никогда не видел аварии. Были. Но не были реальностью. Теперь стали.

Вдруг он почувствовал: в комнате кто-то есть.

Никого не было. Он это понимал. Но всё равно чувствовал взгляд — невидимый, тяжёлый, всевидящий. Натянул одеяло до подбородка. Потом ещё выше. Будто ткань могла защитить от того, что находится не снаружи, а везде.

«Он знает».

Мысль возникла сама.

«Знает».

Амир никогда не видел Аллаха. Никогда не слышал Его голоса. Никогда не видел ангелов. Но в ту ночь был уверен в Нём больше, чем в существовании соседей за стеной.

Логика была простой. Пугающе простой:

Если наказал — значит знает.

Если знает — значит видит.

Если видит — значит существует.

Страх медленно превращался в присутствие. Где-то там, за потолком, за звёздами, за ночным небом — существо, ко-

торое знали о нём всё. Каждую мысль. Каждый поступок. Каждый секрет.

Именно тогда вера впервые вошла в его жизнь. Не через любовь. Не через чудо. Не через красоту мира.

Через страх.

Много лет спустя Амир будет перечитывать учебники по нейробиологии и психологии религии — как мозг связывает случайности в историю, как тревога ищет причину, как причина превращается в убеждение. Всё это будет понятно и убедительно. Но тогда он был ребёнком. А ребёнок в темноте не анализирует.

Он верит.

За окном шумел ветер. Лаяла собака. Дом спал. А маленький Амир лежал под одеялом и впервые в жизни чувствовал присутствие Бога — того самого, которого потом будет искать, защищать, любить, бояться, терять и снова искать почти всю свою жизнь.

Утром пятна исчезли. Полностью. Будто ничего не происходило.

Исчезли пятна. Остался страх.

Через много лет он поймёт, что так работают многие идеи: появляются как временные гости — и остаются навсегда.

Через несколько месяцев произошло ещё одно событие. На первый взгляд — никак не связанное. На самом деле связанное со всем последующим.

Раннее утро. Выходной. Двор ещё спит. Амир вышел играть в футбол — один. Ему нравилось это время: никто не мешает, не спорит, не отбирает мяч, не объясняет правила жизни. Только он, мяч, пустой двор.

Он ударил по мячу. Побежал за ним. И вдруг — остановился.

Совершенно неожиданно подумал:

«Наверное, кто-то сейчас смотрит на меня».

В окна смотреть не решился. Мысль о наблюдателе оказалась сильнее любопытства. Через секунду — следующая:

«Наверное, они считают меня странным. Рано утром. В выходной. Один. С мячом».

Он посмотрел на мяч и почувствовал неловкость. Странную. Необъяснимую. Почти стыд — за то, что просто играл в футбол, один, во дворе, утром.

Мяч медленно покатился дальше. Без него.

Возможно, за окнами никого не было. Но это уже не имело значения. Настоящие зрители переселились внутрь.

С того дня он всё чаще чувствовал взгляд. На улице. В магазине. В школе. Позже в университете. На работе. Потом в соцсетях. Невидимая комиссия по оценке его странности. Работает без выходных.

Через много лет психотерапевт задаст вопрос:

— Кто именно смотрел на тебя тогда?

Амир ответит почти сразу:

— Люди.

— Какие люди?

— Не знаю.

— Они были настоящими?

Амир промолчит.

Айлин подождёт. Как умеют ждать только хорошие терапевты.

— Иногда, — скажет она наконец, — мы настолько привыкаем к внутреннему наблюдателю, что перестаем замечать: он давно живёт внутри нас.

— А если он прав?

— Тогда почему ты до сих пор жив?

Амир усмехнётся. Но ответа не найдёт.

Летом девяносто третьего он ничего этого не знал.

Просто стоял посреди двора. Среди тишины. Среди домов. Среди окон.

И не знал, что некоторые тюрьмы начинают строиться за-долго до появления стен.

Сначала появляется взгляд.

Потом страх.

Потом привычка.

А потом человек уже сам следит за собой лучше любого надзирателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.